

Алексей Будищев

Лгунья

Алексей Будищев

Лгунья

«Public Domain»

1897

Будищев А. Н.

Лгунья / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1897

«Не обижайте меня; я маленький-маленький человек, но у меня большое сердце; поэтому я так много любил и так безумно страдал. Слушайте, я расскажу вам всю правду и попытаюсь даже рассказать вам мою душу, насколько это возможно; но за это я попрошу вас сделать мне маленькое одолжение; развяжите эти бесконечные рукава моей ужасной рубашки; мне хочется говорить и жестикулировать. Что делать? У каждого оратора есть свои привычки. Кроме того, я попросил бы вас не пускать в эту комнату женщин. Я не боюсь бедных, больных и безобразных женщин, но красивые, нарядные и молодые возбуждают во мне непреодолимый ужас. Я кричу «лгунья» и лезу под подушки, под диван, под что попадет; судорога ломает мое тело, и ужас искажает лицо. Мое сердце стучит как барабанщик, увидевший неприятеля, и мне хочется превратиться во что-нибудь неосязаемое и невидимое. Я боюсь, что женщина найдет меня везде; они ужасно чутки к запаху горячей крови...»

© Будищев А. Н., 1897

© Public Domain, 1897

Алексей Будищев

Лгунья

Не обижайте меня; я маленький-маленький человек, но у меня большое сердце; поэтому я так много любил и так безумно страдал. Слушайте, я расскажу вам всю правду и попытаюсь даже рассказать вам мою душу, насколько это возможно; но за это я попрошу вас сделать мне маленькое одолжение; развяжите эти бесконечные рукава моей ужасной рубашки; мне хочется говорить и жестикулировать. Что делать? У каждого оратора есть свои привычки. Кроме того, я попросил бы вас не пускать в эту комнату женщин. Я не боюсь бедных, больных и безобразных женщин, но красивые, нарядные и молодые возбуждают во мне непреодолимый ужас. Я кричу «лгунья» и лезу под подушки, под диван, под что попадет; судорога ломает мое тело, и ужас искажает лицо. Мое сердце стучит как барабанщик, увидевший неприятеля, и мне хочется превратиться во что-нибудь неосязаемое и невидимое. Я боюсь, что женщина найдет меня везде; они ужасно чутки к запаху горячей крови.

Будьте внимательны, хотя история, которую я намерен рассказать вам, уже давно потеряла прелесть новизны; впервые она имела место на земле семь тысяч лет тому назад, когда первая женщина обманула своего мужа и Бога. Итак, слушайте. Впрочем, дайте мне сначала стакан холодной воды. Нот так. Благодарю. Я начинаю.

Она не приходила долго, мучительно долго. Я сидел у себя в комнате; мне нужно было рисовать для юмористического журнала карикатуры, но я не мог работать. Она не приходила! Мысли испуганно метались в моей голове, как совы, разбуженные в покинутом замке фонарем вошедшего человека. Я стоял у окна, засунув дрожащие руки в карманы, и думал: «Она меня обманывает!»

«Она меня обманывает!» Это был тот самый фонарь, свет которого заставил испуганно заметаться безобразных сов. Окно выходило на двор. В открытую форточку дул сырой и холодный ветер и приносил из чьей-то квартиры жалобное пенье рояля и флейты. Звуки лились, то тоскующие и печальные, как песня безгрешного ангела, то иступленно метались и бились в каменных стенах, как истерическая женщина. Я не знаю, кто играл там, но если бы я сел за рояль, я играл бы то же самое. Сердце мое жалобно плакало, а в голове роились мысли безобразные и отвратительные.

Порою мне казалось, что в моем сердце начинал злобно выть дикий зверь, но к нему входил безгрешный ангел и произносил магическое слово; и зверь прятался в самый темный угол и утихал.

На дворе было темно, сыро и холодно; моросил мелкий дождик, из водосточных труб хлестала вода, а из кухни раздавался неприятный лязг оттачиваемого о камень ножа.

Она все еще не приходила. Время ползло медленно, как змея, у которой раздавили внутренности.

Я не знаю, сколько времени я простоял у окна, но лампа, которую я зажег в 7 часов, выгорела и погасла. Рояль уже допел свою песню, звуки заснули сразу, как заплакавшие дети, и в моей комнате стало тихо, как на кладбище. Я зажег свечу. И в эту минуту вошла она.

Она вошла и остановилась на пороге, очевидно, пораженная моим видом. Затем она, не раздеваясь, быстро подошла ко мне и, бледнея, спросила:

– Милый, что с тобой?

Её голос прозвучал так нежно и трогательно, что в мое сердце пахнуло теплом, и на моих глазах показались слезы.

О, нет, она не может лгать! Она святая, непорочная и чистая, а я гадкий, испорченный, подозрительный человек! Я снял с неё верхнее платье, отряхнул с него дождевые капли и усадив ее в кресло, стал перед ней на колени. Я просил ее простить меня, гадкого и грешного,

и целовал её колени, и плакал, и говорил ей о своих мучениях. Она слушала меня молча и загадочно глядела куда-то вдаль и улыбалась. На минуту мне показалось это странным. «Чему она улыбается? Зачем её глаза приняли такое загадочное выражение?» Эти мысли мелькнули в моей голове с быстротой молнии, и в то же время я увидел за плечами любимой женщины призрак, смутный и неясный, похожий на эту женщину, но в то же время отвратительный. Это был образ лгуньи. Я не знаю, понимаете ли вы меня? Я испугался, толкнул от себя молодую женщину и громко зарыдал. В моей груди что-то заклокотало. Я не умею сказать, ворчал ли там дикий зверь или дрожал в испуге и горько плакал безгрешный ангел. Она дала мне воды, и я успокоился хотя продолжал еще всхлипывать и поминутно вздрагивать. Я переносил взоры с предмета на предмет, опасаясь, что если я буду пристально смотреть в одну точку, отвратительный призрак вырастет перед моими глазами снова.

Она уложила меня в постель, целовала мои губы и глаза и ласково говорила, где была, что видела и слышала. Она была у подружки на Басманной улице.

Когда она раздавалась, чтобы лечь спать, из её кармана выпала какая-то записочка; она мельком взглянула на меня, изорвала эту записку в клочки и бросила в угол в плевальницу. Я видел это сквозь сон; мои глаза уже смыкались; после нервного припадка я заснул крепко, как убитый.

Утром на другой день я нашел случайно около плевальницы два клочка разорванной записки. На одном из них значилось: «Приезжай 10 ч.», а на другом: «Верхотурская ул.».

Верхотурская улица! Но, господин доктор, я, кажется, начал свой рассказ с середины; позвольте мне выпить глоток воды, и я расскажу вам начало.

Ее звали Ниной Сергеевной. Познакомился я с нею на даче, случайно, в лесу. Она жила у богатого дяди, который часто катал ее на своих рысаках. Я часто видел ее на улице в коляске нарядную, прекрасную, девственно свежую и непорочную, с синими глазами и золотистыми кудрями. При встрече со мною она рассматривала меня с особенным вниманием и любопытством и словно звала куда-то глазами. Я не знаю, почему она обратила на меня свое внимание; право, я не заслужил этого. Я совсем простой человек, выросший в глубокой провинции среди бесхитростных людей. Я приехал в столицу два года тому назад и только здесь узнал о тех невозможных отношениях, в который люди ставят себя ради денег, любви или честолюбия; и мне стало гадко и противно, точно я вошел в смрадную комнату; я сделался нервным и подозрительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.